

Научная статья

УДК 323.2, 316.62

doi: 10.17223/1998863X/67/20

МОТИВЫ И ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Ярослава Юрьевна Шашкова¹, Сергей Юрьевич Асеев²

^{1,2} *Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

¹ *yashashkova@mail.ru*

² *suass@mail.ru*

Аннотация. На основе фокус-группового опроса учащихся 10–11-х классов школ, студентов сузуов и вузов, проведенного осенью 2021 г. в восьми приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока, выявлены доминирующие мотивы и факторы их политического участия/неучастия. Особое внимание уделено отношению учащейся молодежи к протестным акциям и выборам как знаковым политическим событиям 2021 г.

Ключевые слова: молодежь, школьники, студенты, политическое участие, политические установки

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта «Факторы и каналы формирования политического сознания и мотивации политического участия учащейся молодежи приграничных регионов Сибири и Дальнего Востока» № 21-011-31651.

Для цитирования: Шашкова Я.Ю., Асеев С.Ю. Мотивы и факторы политической активности учащейся молодежи приграничных территорий Сибири и Дальнего Востока // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 231–242. doi: 10.17223/1998863X/67/20

Original article

MOTIVES AND FACTORS OF STUDENTS' POLITICAL ACTIVITY IN THE BORDER TERRITORIES OF SIBERIA AND THE FAR EAST

Yaroslava Yu. Shashkova¹, Sergey Yu. Assev²

^{1,2} *Altai State University, Barnaul, Russian Federation*

¹ *yashashkova@mail.ru*

² *suass@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the motives and factors of political engagement/non-engagement of students from the border regions of Siberia and the Far East to predict the development of Russian political practices and assess the prospect of their involvement in the political process. The structuration theory of political action by Anthony Giddens serves as a methodology of the research. The data of the research have been obtained from polls of focus groups of grade 10 and 11 pupils, students of colleges and universities in Altai Krai, Zabaykalsky Krai, Primorsky Krai, Khabarovsk Krai, Omsk Oblast, the Republics of Altai, Tyva, Buryatia (October–November 2021). The polls' conduct after the January protests and the election campaigns of 2021 made it possible to reveal the carefully considered opinions

of young people about the motives of their current political behavior, the conditions and factors for the inclusion of young people in public policy. To reach the set goals, the authors analyzed the assessment by young people of the degree of political subjectivity in their social groups, their current attitudes to participation in protest actions, exercising of their active and passive electoral rights, the impact of digitalization, migration attitudes, attitudes to government policy, values and other factors on the choice of strategies and forms of young people's political behavior. The conducted research has revealed the prevalence of skeptical assessments by pupils and students of their political abilities, as well as the association of political actions exclusively with protest movement. At the same time, the authors have observed that the state's response to the protest movement of 2021 led to a reorientation of some young people from unconventional to conventional (elections, signing petitions, etc.) forms of political behavior to protect their interests, as well as to an increase in depoliticization of the youth. The most significant motives of this transformation are, on the one hand, fear and disappointment of young people in the effectiveness of mass politics, and, on the other hand, their desire for change, their pragmatism and interest. Against the background of the positive effect of the political process digitalization, the research shows a decrease in the influence of the value factor, migration attitudes and assessments of Russian policies on the political activeness of young people. The conclusion is made about switching the focus of student attention to ensuring personal comfort and self-fulfillment, and the probability of their return to public policy in the event of serious threats to these, as well as formation of their situational decision-making behavior.

Keywords: youth; schoolchildren; students; political activity; political attitudes

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Social Research Expert Institute, Project No. 21-011-31651.

For citation: Shashkova, Ya.Yu. & Assev, S.Yu. (2022) Motives and factors of students' political activity in the border territories of Siberia and the Far East. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 67. pp. 231–242. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/67/20

Введение

Динамика российского политического процесса последних лет предоставила молодежи возможность получить различный опыт включенности в сферу политики, расширить свой индивидуальный и групповой габитус. Это, в свою очередь, приводит к изменению политических практик молодежной среды, к формированию в ней новых трендов, способных стать значимыми в среднесрочной перспективе. Политические события 2021 г. поставили многих молодых людей в ситуацию выбора: «участвовать – не участвовать» и «если участвовать, то в каком качестве», заставили, хотя бы ситуативно, воспроизводить в своем политическом поведении модель Э. Гидденса, согласно которой «человеческая деятельность... предстает в виде непрерывного потока (*durée*) поведенческих проявлений» и «включает в качестве составных элементов рефлексивный мониторинг (среды. – Я.Ш., С.А.), рационализацию и мотивацию деятельности» [1. С. 41].

Исходя из этого, прошедшие в 2021 г. протестные акции и выборы позволяют выявить современные тенденции политического участия молодежи, определить более осмысленное и квалифицированное мнение молодых людей о мотивах своего текущего политического поведения, условиях и факторах включения молодежи в публичную политику. Для решения поставленной задачи в статье анализируются оценки молодежью степени политической субъектности своей социальной группы, ее текущие установки на участие в протестных акциях, реализацию активного и пассивного избирательного пра-

ва, влияние цифровизации, миграционных установок, отношения к политике органов власти, ценностного и других факторов на выбор молодыми людьми стратегии и форм политического поведения. Методологическим принципом анализа выступает тезис Э. Ноэль, согласно которому наиболее четкое представление о мотивах поведения имеют не те, кто собирается что-то делать, а те, кто только что совершил какое-либо действие [2. С. 139].

Политическая активность молодежи уже длительное время выступает одной из приоритетных тем изучения особенностей поведения данной социальной группы в политической науке и социологии. Результаты эмпирических исследований различного уровня отражают отношение молодежи к отдельным формам политических действий [3–5], ее электоральное поведение [6, 7], основные тенденции различных периодов [8–10]. В последние годы особое внимание уделяется установкам молодежи на протестную активность [11, 12], а также роли цифровых технологий в политических коммуникациях и активности молодых людей [13–15]. Не теряют своей актуальности и работы по ценностным основам поведения молодежи [16–18], условиям и проблемам формирования ее субъектности в политическом пространстве страны и регионов [19–22].

Эмпирической базой статьи послужили результаты 14 фокус-групп, проведенных с учащимися 10–11-х классов, студентами ссузов и вузов в 8 приграничных регионах Сибирского и Дальневосточного федеральных округов: Алтайском, Забайкальском, Приморском и Хабаровском краях, Омской области, республиках Алтай, Тыва, Бурятия (октябрь–ноябрь 2021 г.). В каждой фокус-группе принимали участие представители только одного региона и одного сегмента учащейся молодежи.

Публичная активность

Как отмечает А.Л. Колтунов и его соавторы, мотивацию политического участия молодых людей необходимо рассматривать с двух позиций: с одной стороны, это понимание своей роли в происходящих общественно-политических процессах, с другой – практическая полезность (карьерный рост, высокий социальный статус, материальные возможности и т.д.) [9. С. 50].

Проведенное исследование показало наличие размежевания учащейся молодежи в оценке своей роли в политике и степени политической активности. Большая часть респондентов скептически оценивают свои возможности в политической сфере: *«Молодежь практически не влияет – у нее мало знаний, мало опыта»* (м, школа); *«...влияния нет, причина – в апатии государства по отношению к молодежи, нет какой-то объединяющей идеи, каждый сам по себе»* (м, ссуз).

В то же время в поведении тех, кто допускает для себя участие в политике или уже участвует в политических событиях, проявляются новые тенденции. Особенно заметные трансформации, по сравнению с исследованиями 2018–2020 г., произошли в сфере массовых форм политического поведения. Несмотря на то что под политическими акциями и своим политическим участием большинство респондентов понимает оппозиционные акции, и лишь незначительная часть школьников соотносит свои политические действия с официальными праздничными мероприятиями, обнаружилось падение популярности протестных форм активности молодежи. Оценивая последствия

протестов последнего периода, большинство респондентов не намерено в перспективе принимать в них участие. В качестве главных обоснований данной позиции звучали страх перед последствиями и разочарование в этой форме политического участия.

Показательно, что мотив страха присутствует у всех изучаемых сегментов молодежи и связывается с представлением о наличии реальных угроз для своего здоровья, статуса и окружения: *«Нет желания рисковать собой, родственниками, учебой»* (м, вуз); *«боюсь, что меня потом не возьмут на какую-нибудь должность в госструктуре... да и в семье есть госслужащие, поэтому не хотелось бы подставлять»* (м, школа); *«какие бы важные интересы не хотелось отстаивать, здоровье важнее для большинства»* (ж, школа). Исключение здесь составляют только субъекты Федерации и населенные пункты, где подобные акции не проводились, и респонденты понимают, что и в будущем их вероятность крайне мала.

Причиной разочарования в массовых акциях стало формирование у молодежи устойчивого убеждения в их неэффективности, неспособности оказать влияние на власть и ситуацию в обществе, обусловленные малочисленностью и территориальной локализацией выступлений: *«те же протесты с Навальным, люди выходили, но итога не было»* (ж, ссуз); *«...в Хабаровске вышло 100 тыс., опять же не сработало, ничего не изменилось»* (м, вуз); *«в нашей большой стране – это не эффективно, когда в каком-то регионе протестуют. В нашей стране это выглядит как красный флажок: „Заметьте пожалуйста, у нас что-то произошло в стране, мы хотим вам об этом сказать“. А из-за 1–2 протестов в нескольких городах это не эффективно»* (ж, школа).

Исходя из оценки эффективности существующих механизмов коммуникации с властью и наблюдаемой модели реагирования на несанкционированную гражданскую активность, акции протеста в молодежной среде стали восприниматься как крайняя форма политической активности. Она может быть применима только при массовом участии и наличии серьезных угроз правам и личному благополучию, например при введении тотального контроля, нехватки средств для выживания: *«Какая-то ситуация с моими близкими, друзьями, например резко решат снести дом, где живу я, родные, уже выбора не будет и пойдешь – пусть хоть что-то они сделают...»* (ж, ссуз); *«Если я пойму, что мне уж совсем плохо жить в этой стране, городе, с таким правительством, то да. Я тогда не побоюсь уже за место учебы, потому что это не самое главное»* (ж, вуз). Этот мотив участия молодежи в акциях протеста отмечают и другие исследователи [18]. Также некоторую роль при принятии решения об участии играют факторы близости респонденту проблематики акций и наличия у них ярких лидеров.

Тем самым можно констатировать, что своей политикой и ужесточением административных санкций власть на данный момент достигла снижения актуальности протестных мероприятий в сознании учащейся молодежи, но показательно и то, что сохраняется отмечаемая рядом авторов [12. С. 73] тенденция меньшего участия молодых людей в публичных акциях провластного характера. Лишь некоторые респонденты указали свое участие в локальных и «безопасных» для них практиках по примеру тематических конкурсов, форумов, волонтерских и грантовых проектов.

В этих условиях происходит переориентация политически активной молодежи на конвенциональные формы политического поведения – участие в выборах, подписание петиций, выступления в соцсетях, которые оцениваются как более эффективные и/или безопасные.

Говоря об актуальности выборов в молодежной среде, следует отметить, что они осознаются как значимая форма активности преимущественно совершеннолетними респондентами, обучающимися в вузах и ссузах, но максимальный интерес к ним проявляет школьная молодежь, еще не имеющая электорального опыта: *«Интересно посмотреть, хотя понимаю, что мой голос особо ни на что не повлияет»* (ж, школа); *«...хочу сходить, узнать, как проходит этот процесс, нельзя судить о выборах, не участвуя в них»* (ж, ссуз).

При этом важность участия в выборах может оцениваться школьниками и студентами исходя из их гражданской позиции, осознания возможности реализации негативных сценариев голосования и как попытка изменения ситуации в обществе в условиях неэффективности и/или невозможности массовых акций: *«Это мое право, мой голос важен, кроме того, если пойдешь и проголосуешь, то уже твой бюллетень не могут использовать»* (ж, ссуз); *«выборы – это важно, нужно показать, что ты не равнодушен»* (м, школа); *«...это мое право, я могу – значит я буду»* (м, школа); *«...пойду голосовать, чтобы государство улучшалось»* (ж, вуз). В зарубежных исследованиях также отмечается роль ответственного отношения молодежи к своим гражданским обязанностям, что выступает главной мотивацией их участия в выборах [24. С. 62].

Дополнительным фактором электоральной активности выступает уровень выборов. Учащаяся молодежь разграничивает их по степени актуальности для себя: *«Буду голосовать в самых важных – президентских и думских»* (м, ссуз). Как отмечает Е.Г. Городецкая, «для молодежи именно выборы Президента наполнены более высоким содержанием, а собственное участие в них приравнивается к участию в делах государства» [15. С. 26]. По мнению Д.А. Ежова, интерес молодежи к процедуре голосования стимулируется в современных условиях и активным использованием ресурсов Интернета и мобильных технологий [7. С. 358].

С другой стороны, распространению абсентеизма в молодежной среде, по словам респондентов, способствуют предсказуемость результатов выборов и административное принуждение к участию в голосовании, после которого формируется отрицательное отношение к данному институту: *«Считаю, что государство уже знает итог выборов»* (ж, ссуз); *«...все для вида создано, победитель выбран заранее»* (ж, вуз); *«заставили участвовать в армии, если они станут честными, то пойду»* (м, вуз); *«...нас заставляли в универе...»* (ж, вуз).

Однако необходимо учитывать, что проведенное исследование выявляет больше проективную электоральную активность молодежи, в то время как на ее реальное участие в голосовании будет влиять в том числе и ситуативный фактор содержания избирательных кампаний: *«Я бы участвовал в выборах, если бы кандидаты были нацелены на улучшение жизни страны»* (м, школа); *«...если заинтересует кандидат, то пойду, и наоборот»* (ж, вуз).

Более определенно участники фокус-групп высказывались о своих намерениях баллотироваться в региональные или муниципальные органы власти – эту форму политической активности допускают для себя лишь единицы. В качестве мотивации отказа чаще всего звучали отсутствие знаний, опыта и необходимых качеств: *«кандидатом не стала бы – далека от этой деятельности, не во всем разбираюсь, а для избрания нужны знания»* (ж, школа). Также респонденты отмечали неспособность одного человека изменить ситуацию, необходимость поддержки избирателей, отсутствие интереса и боязнь ответственности: *«Я бы не представлял никакой весомой силы во всей системе, не важно, на каком уровне и, как в случае М. Евдокимова, это опасно и бесполезно»* (м, ссуз); *«это колоссальная ответственность, я ее не потяну»* (ж, ссуз).

Структура мотивов и факторов

Помимо страха и оценки эффективности различных форм политической активности, значимыми декларируемыми мотивами и факторами участия/неучастия школьников и студентов в политике выступают интерес к ней, профессиональное самоопределение, этический образ политики и ее цифровизация.

К наличию/отсутствию интереса к политике при обсуждении возможных форм политического поведения апеллируют от 40 до 50% респондентов в каждом сегменте учащейся молодежи. При этом многие респонденты отмечали наличие проблем в поведении и мотивации молодежной среды в целом: *«Сейчас не оказывает влияния – все другим заняты»* (ж, вуз); *«...современная молодежь о политике не думает, больше соцсети, игры, блогеры»* (м, ссуз). Вследствие этого участие большинства молодых людей в политических процессах приобретает не системный, а ситуативный характер, затрудняя их прогнозирование.

Абсентеистская модель поведения особенно заметна у студентов ссузов, многие из которых прямо говорят о своей политической пассивности и отсутствии интереса к политической деятельности: *«...я пассивная, происходит и происходит, главное, чтобы это не коснулось меня и моей семьи. Я против, чтобы и мои родные участвовали в каких-либо акциях...»* (ж, ссуз); *«Я, как большинство людей, готова что-то обсуждать, но вот что-то делать – это другой вопрос ...Наверное, этим кто-то другой займется, а не я»* (ж, школа).

Убежденность молодых людей в сложности технологических и организационных процессов в условиях информационного общества, необходимости специальной подготовки для их осуществления переносится и на политическую сферу: *«...политикой и государством должны заниматься люди от 35 и выше, более опытные, более знающие»* (ж, вуз); *«политикой должны заниматься профессионалы, которые в этом разбираются. Например, когда у человека появляются проблемы со здоровьем, он же не поедет к сантехнику?»* (м, вуз). Вследствие этого, объективно оценивая свои стартовые возможности в политике, большинство молодежи не видит в ней сферу своей будущей профессиональной самореализации, в частности, как указывалось ранее, в качестве кандидатов на выборах. Соответственно, они теряют свой интерес к политике и не демонстрируют вовлеченность в нее. Интересно, что

студенты ссузов Республики Тыва озвучивали запрос на знания о политике даже для реализации активного избирательного права: «...Я не разобралась, к какой партии идти, за какого депутата голосовать, эти баннеры назойливые иногда надоедают, и не знаешь, за какого депутата проголосовать» (ж, ссуз). В результате значительная часть молодежи становится «носителем культуры наблюдателей», способствуя сохранению доминирующих в российском обществе государственно-патерналистских установок и подданнического типа культуры [22. С. 22].

Некоторую роль в уходе политики на периферию интересов молодежи играет и распространение в ее среде «токсичного» образа политической сферы, ассоциируемой с «грязью», «связями» и большими деньгами.

В условиях продолжающегося снижения интереса молодежи к политическим организациям и институционализированным формам участия возрастает значение цифровых форматов социальной активности [13. С. 193]. Исследователи отмечают, что новые механизмы электронной демократии потенциально несут в себе возможность для развития инициативы, солидаризации и консолидации молодежи в деле их вовлечения в принятие управленческих решений [14. С. 5]. И действительно, в цифровизации политики школьники и студенты видят приемлемые для себя формы коммуникации с властью (петиции, обращения): «Цифровизация дает возможность вынести какую-то проблему на всеобщее обозрение, чтобы на нее обратили внимание» (м, вуз); «... участие через интернет удобнее – не нужно куда-то идти» (м, школа). Однако они осознают и недостатки/угрозы цифровой среды: «Сеть продвигает все быстро, мимолетно, в этом и положительное, и отрицательное» (ж, школа); «...информация все более легкая ...меньше ...остается в головах, все менее наполнена смысловой нагрузкой» (м, ссуз). Наиболее критичны в своих высказываниях студенты: «...Стоит опасаться инфопузырей, в которых каждый из нас находится» (м, вуз); «...это тоже самое телевидение, у разных платформ свои владельцы, и они транслируют свое мнение» (м, вуз). Также можно отметить снижение мобилизационного потенциала блогеров – все чаще их деятельность и оценки политической ситуации воспринимаются респондентами как лишенный профессионализма коммерческий проект с купленными тематиками.

На этом фоне исследование показало снижение влияния на политическое участие молодежи ценностного фактора, а также миграционных установок молодых людей и их оценок российской политики.

Как отмечал Д.В. Руденкин, в мотивации политической активности молодежи часто прослеживается ценностная подоплека: «такая активность становится для молодых людей не столько механизмом решения неких текущих проблем, сколько способом продемонстрировать свое мировоззренческое несогласие с тем устройством общества, которое она видит» [4. С. 205]. Однако, в отличие от результатов фокус-групп 2018–2019 гг., в настоящий момент наблюдается «размывание» картины ценностей в сознании учащейся молодежи – многие респонденты не могут внятно объяснить свое видение их содержания. Основная причина этого, на наш взгляд, заключается в стремлении респондентов уйти от крайних точек зрения, избежать столкновений в обсуждении политических тем, чтобы не провоцировать конфликты в своем окружении и не нарушать состояние личного комфорта.

На это же направлены и текущие миграционные установки молодежи. В условиях депрессивности большинства исследуемых регионов внешняя миграция выступает способом ухода, в том числе и от политических проблем взаимодействия с государством, в то время как внутренняя имеет преимущественно социально-экономическую детерминанту, отражает стремление к самореализации и более комфортной среде проживания: *«Если тебя что-то не устраивает – сделай так, чтобы устраивало. Не нравится в этом государстве – езжай в другое, все просто»* (ж, ссуз). Особенно высокий миграционный потенциал характерен для дальневосточной молодежи, что отмечается и в исследованиях других авторов [21. С. 121]. При отсутствии возможности миграции либо наличии установки на сохранение места жительства в дальнейшем молодые люди становятся более активными в политической сфере, так как стремятся улучшить условия проживания в своем регионе. Однако об отсутствии внутригосударственных миграционных установок говорили лишь отдельные респонденты.

Отмеченный выше страх молодежи перед административным прессингом проявился в ее оценках действующей власти. При сохранении доминирования отрицательных оценок государственной политики, у ряда респондентов наблюдается стремление смягчить их или уйти от обсуждения проблемных тем: *«Не отвергаю радикально, но надо менять все уровни»* (м, школа); *«в основном не устраивает, все хорошее перекрывается плохим»* (м, школа); *«устраивает лишь частично»* (ж, вуз).

В качестве основных проблем выделяется социальное и межрегиональное неравенство, характеризующееся как несправедливость, закрытость власти. В дополнение к этому во всех сегментах учащейся молодежи отмечается наличие в политическом пространстве конфликта поколений: *«Государство не дает. Будущее за молодежью, а в правительстве люди старой закалки, им не выгодно, что их заменяют»* (м, школа); *«...старшие не будут слушать молодежь, в вопросах неополитических – может быть»* (ж, школа).

Обоснование же своей поддержки или нейтрального отношения к власти молодые люди сводят к аргументам, которые можно обозначить категорией «обывательского индивидуализма»: *«Пока все устраивает – я живу, учусь, могу лечиться, кушаю – я довольна»* (ж, школа); *«меня ничего не напрягает, пока мне хорошо»* (ж, ссуз). Исследователи уже длительный период говорят о преобладании индивидуализма в молодежной среде [16]. Как отмечают А.П. Воробьев и его коллеги, молодые люди могут, исходя из своих индивидуалистических потребностей, рассматривать социальную справедливость как «социальную справедливость в отношении именно меня», поскольку они не видят ценности общественной солидарности и не готовы поступиться своими интересами ради потребностей общества [18. С. 165, 168].

Выводы

Как показало проведенное исследование, в существующих реалиях российского политического процесса школьники старших классов и студенты регионов Сибири и Дальнего Востока больше готовы участвовать в конвенциональных формах политического поведения (выборы, подписание петиций и т.д.), чем в неконвенциональных (протесты).

Среди мотивов принятия решения касательно протестной активности преобладают страх (препятствует), желание перемен (мотивирует), относительно конвенциональной – прагматизм (уклоняются или активны исходя из профессионального самоопределения) или интерес. Последний особо актуален в среде учащейся молодежи, так как с накоплением личного опыта и формированием собственной позиции это эмоциональное переживание познавательной потребности сокращается.

За последний год произошло существенное усиление влияния на поведение молодежи мотива страха за себя и личное будущее, при этом сокращался ранее отмечаемый оптимизм молодежной среды по поводу развития общества. Фактор страха перед административным давлением распространяется в сознании молодых людей и на цифровую среду, что приводит к снижению их активности в онлайн-пространстве, усиливает информационную закрытость этой группы. Кроме того, для артикуляции интересов молодежи оказались не эффективны ни протестные формы политического поведения, ни традиционные институты представительства. Ценности перестали выступать для многих студентов и школьников важным фактором массового политического участия. Также не способствует расширению политических практик молодежи сокращение официально поощряемых форм политической активности и их «безопасных тематик». Это приводит к уходу молодых людей из поля публичной политики, переключению их активности на обеспечение личного комфорта и самореализацию, чему способствует глобальный экономический кризис периода пандемии.

Анализ полученных результатов показал, что выявленные установки учащейся молодежи подтверждают тезис А.Н. Ильина – развитие индивидуализма в обществе потребления все больше деполитизирует и деконсолидирует российское общество, усиливает в нем «осознание тщетности попыток в коллективных действиях» и разубеждает в возможности оказывать совместное влияние на глобальные процессы и важные политические решения [23. С. 103].

Возврат молодых людей в политику возможен при появлении серьезных угроз их личному комфорту и уровню жизни. В то же время, осознавая подвижность современных процессов, они не планируют возврат надолго, постоянно подчеркивая, что «дальше будет видно». Таким образом, затрудняется прогнозирование действий молодежи даже в среднесрочной перспективе.

Список источников

1. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М. : Академический проект, 2005. 528 с.
2. Ноэль Э. Массовые опросы: введение в методику демоскопии. М. : Прогресс, 1978. 380 с.
3. Ницевич В.Ф., Игнатова Т.В. Основные формы политической активности российской молодежи // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 4 (30). С. 61–67.
4. Руденкин Д.В. Полюсы политической активности российской молодежи: сравнение активистов провластных и оппозиционных движений // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 55. С. 203–215.
5. Шаикова Я.Ю., Асеев С.Ю., Асеева Т.А., Казанцев Д.А. Проблема эффективности институциональных форм политического участия молодежи (на примере Алтайского края и Новосибирской области) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 51. С. 192–204.

6. Пырма Р.В. Электоральное участие молодежи в выборах Президента России 2018 года // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9, № 2 (38). С. 50–57.
7. Ежов Д.А. Актуальные тенденции и факторы электоральной активности российской молодежи // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7, № 3 (24). С. 356–358.
8. Селезнева А.В., Зиненко В.Е. Политическая активность российской молодежи: современные тенденции развития // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 2. С. 192–208.
9. Колтунов А.Л., Ребышева Л.В., Савицкая Ю.П. Проблемы политической активности молодежи: социологический аспект // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2018. № 4. С. 46–54.
10. Попова О.В. Политические настроения молодежи: лояльность или протест? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21, № 4. С. 599–619.
11. Антошин В.А., Антошин А.В., Колесникова К.И. Протестный потенциал и протестная активность современной российской молодежи: ценностные доминанты, динамика и тенденции // Alma mater (Вестник высшей школы). 2021. № 12. С. 93–101.
12. Елисеева Е.А., Нечкина А.А., Зуляр Р.Ю. Молодежь Иркутской области: протестный потенциал и отношение к политической оппозиции // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2021. Т. 36. С. 67–75.
13. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Азаров А.А. Гражданские и политические онлайн-практики в оценках российской молодежи (2018) // Политическая наука. 2019. № 2. С. 180–197.
14. Морозова Е.В., Ломаева А.К. Барьеры электронного политического участия студенческой молодежи в Российской Федерации // Социально-политические исследования. 2019. № 2 (3). С. 5–22.
15. Городецкая Е.Г. Мотивация электорального поведения студенческой молодежи // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2020. Т. 6 (72), № 4. С. 23–29.
16. Давыдова М.А. Приверженность молодежи ценностям индивидуализма: характеристики терминальных и инструментальных ценностей // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 4 (108). С. 125–131.
17. Зубок Ю.А., Чупров В.И., Любутов А.С., Сорокин О.В. Жизненные позиции молодежи: смысловые основания формирования // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12, № 3. С. 79–98.
18. Воробьев А.П., Константинова М.В., Еременко М.С. Политическая культура молодежи: гражданственность в политическом сознании и поведении // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 63. С. 162–171.
19. Петухов В.В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 119–138.
20. Барсукова С.Ю., Звягинцев А.В., Лаптиева Л.С., Сафиуллина Э.И. Мотивы участия молодежи в избирательных кампаниях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 300–318.
21. Березутский Ю.В. Дальневосточная молодежь как субъект и объект государственной политики // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 113–125.
22. Самсонова Т.Н., Зиненко В.Е. Формирование политической субъектности молодежи в современной России: критерии, условия, проблемы // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 3 (92). С. 17–24.
23. Ильин А.Н. Деконсолидация и деполитизация, характерные для общества потребления // Социологический журнал. 2014. № 3. С. 101–115.
24. Cammaerts B. et al. Youth Participation in Democratic Life Stories of Hope and Disillusion. London School of Economics and Political Science. UK, 2016. 237 p.

References

1. Giddens, A. (1984) *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration]. Translated from English. Moscow: Akademicheskii projekt.
2. Noel, E. (1978) *Massovyie oprosy: vvedenie v metodiku demoskopii* [Mass Surveys: An Introduction to Demoscopy Methodology]. Translated from English. Moscow: Progress.

3. Nitsevykh, V.F. & Ignatova, T.V. (2013) Basic forms of political activity of the Russian youth. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk – Central Russian Journal of Social Sciences*. 4(30). pp. 61–67. (In Russian).
4. Rudenkin, D.V. (2020) Polarities of Russian Youth's Political Activity A Comparison of Activists of Pro-Government and Opposition Movements. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 55. pp. 203–215. (In Russian). DOI 10.17223/1998863X/55/21
5. Shashkova, Ya.Yu., Assev, S.Yu., Asseva, T.A. & Kazantsev, D.A. (2019) The Problem of the Efficiency of Institutional Forms of Political Participation Among the Russian Youth (On the Example of Altai Krai and Novosibirsk Oblast). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 51. pp. 192–204. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/51/20
6. Pyrma, R.V. (2019) Electoral Participation of Youth in the Election of the President of Russian Federation in 2018. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta – Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 9(2). pp. 50–57. (In Russian). DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-2-50-57
7. Ezhov, D.A. (2018) Actual Trends and Factors of the Electoral Activity of Russian Youth. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie – Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. 3(24). pp. 356–358. (In Russian).
8. Selezneva, A.V. & Zinenko, V.E. (2020) Political Activity of Russian Youth: Current Development Trends. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta – Bulletin of Moscow Region State University*. 2. pp. 192–208. (In Russian). DOI: 10.18384/2224-0209-2020-2-1012
9. Koltunov, A.L., Rebysheva, L.V. & Savitskaya, Yu.P. (2018) Issues of political activity of youth: sociological aspect. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika – Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*. 4. pp. 46–54. (In Russian).
10. Popova, O.V. (2019) Political Views of the Youth: Loyalty or Protest? *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya – RUDN Journal of Political Science*. 21(4). pp. 599–619. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4
11. Antoshin, V.A., Antoshin, A.V. & Kolesnikova, K.I. (2021) Protest potential and protest activity of modern Russian youth: value dominants, dynamics and trends. *Vestnik Vysshey Shkoly – Alma Mater*. 12. pp. 93–101. (In Russian). DOI: 10.20339/AM.12-21.093.
12. Eliseeva, E.A., Nechkina, A.A. & Zulyar, R.Yu. (2021) Youth of Irkutsk Region: Protest Potential and Attitude toward the Political Opposition. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedeniye – The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*. 36. pp. 67–75. (In Russian). DOI: 10.26516/2073-3380.2021.36.67
13. Brodovskaya, E.V., Dombrovskaya, A.Yu., Pyrma, R.V. & Azarov, A.A. (2019) Civil and political online practices in the evaluations of Russian youth (2018). *Politicheskaya nauka – Political Science*. 2. pp. 180–197. (In Russian). DOI: 10.31249/poln/2019.02.09
14. Morozova, E.V. & Lomaeva, A.K. (2019) Barriers to e-political participation of students in the Russian Federation. *Sotsial'no-politicheskie issledovaniya – Social and Political Research*. 2(3). pp. 5–22. (In Russian). DOI: 10.24411/2658-428X-2019-10437
15. Gorodetskaya, E.G. (2020) Motivation of Student Electoral Behavior. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya – Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*. 6(72-4). pp. 23–29. (In Russian).
16. Davydova, M.A. (2012) Commitment of youth to values of individualism: characteristics of terminal and tool values. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya – The Bulletin of the Adyge State University. Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology*. 4(108). pp. 125–131. (In Russian).
17. Zubok, Yu.A., Chuprov, V.I., Lyubutov, O.V. & Sorokin, O.V. (2021) Life positions in self-regulation of life activity of the youth. *Vestnik Instituta sotsiologii – Bulletin of the Institute of Sociology*. 12(3). pp. 79–98. (In Russian). DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.738
18. Vorobiev, A.P., Konstantinova, M.V. & Eremenko, M.S. (2021) Political Culture of Youth: Civic Consciousness in Political Consciousness and Behavior. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 63. 162–171. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/63/16
19. Petukhov, V.V. (2020) Russian Youth and Its Role in Society Transformation. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 3. pp. 119–138. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1621

20. Barsukova, S.Y., Zvyagintsev, A.V., Laptieva, L.S. & Safiullina, E.I. (2021) Motives of Youth Participation in Election Campaigns. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 4. pp. 300–318. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2021.4.1841

21. Berezutskiy, Yu.V. (2019) The Far Eastern youth as a subject and object of the state policy. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii – Power and Administration in the East of Russia*. 1(86). pp. 113–125. (In Russian). DOI: 10.22394/1818-4049-2019-86-1-113-125

22. Samsonova, T.N. & Zinenko, V.E. (2021) Formation of the Political Subjectivity of Youth in Modern Russia: Criteria, Conditions, Problems. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo – Society: Politics, Economics, Law*. 3(92). pp. 17–24. (In Russian). DOI: 10.24158/pep.2021.3.2

23. Ilin, A.N. (2014) De-consolidation and De-politicization as Characteristics of Consumer Society. *Sotsiologicheskii zhurnal – Sociological Journal*. 3. pp. 101–115. (In Russian).

24. Cammaerts, B. et al. (2016) *Youth Participation in Democratic Life Stories of Hope and Disillusion*. London: London School of Economics and Political Science. DOI: 10.1057/9781137540218

Сведения об авторах:

Шашкова Я.Ю. – доктор политических наук, профессор кафедры философии и политологии, руководитель Центра политического анализа и технологий Института гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: yashashkova@mail.ru

Асеев С.Ю. – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и политологии Института гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: suass@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Shashkova Ya.Yu. – Dr. Sci. (Political Sciences), professor of the Department of Philosophy and Political Science, head of the Center for Political Analysis and Technologies of the Institute for the Humanities, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: yashashkova@mail.ru

Assev S.Yu. – Cand. Sci. (History), associate professor of the Department of Philosophy and Political Science, Institute for the Humanities, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: suass@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.02.2022;
одобрена после рецензирования 05.05.2022; принята к публикации 11.07.2022
The article was submitted 03.02.2022;
approved after reviewing 05.05.2022; accepted for publication 11.07.2022